

Проснувшись, Шейн почувствовал, как его тело пронзают болты боли. Пройдя непродолжительный период паники, он смог быстро успокоиться и оценить ситуацию.

Сначала он попытался пощупать свои придатки, что, к счастью, сработало, хотя боль была явной, но тот факт, что он все еще чувствовал свои руки и ноги, означал, что он не был парализован. Однако, когда он попытался пошевелиться, он обнаружил, что все его конечности прочно связаны с полом, и из нижней части его тела пронзила жгучая боль. Его ноги точно были повреждены, может быть, даже сломаны.

Чтобы усугубить проблемы, пространство было слишком тесным, чтобы дышать. Он мог только слегка пошевелить головой. Раньше жильцами прилавков были овощи, а теперь, к сожалению, они занимали все места на и без того тесноте. Повернув голову, чтобы освободить небольшую щель, он смог получить небольшой приток воздуха. Это было трудно, так как компрессия на его груди добавлялась из-за небольшой области, что делало дыхание мучительной задачей.

Единственной хорошей новостью было то, что свет был виден из редких щелей, находящихся далеко от досягаемости, успокаивал их тусклым светом и помогал ему сохранять разум. Шейн попытался позвать на помощь, но не смог издать достаточно шума, только грубое ворчание вырвалось из его разорванных губ.

Обдумывая ситуацию, он нашел утешение в спасении ребенка. Хотя действие было спонтанным, он даже спросил, почему он это сделал. В конце концов, он не был святым и ценил свою жизнь намного больше, чем другие. Он с радостью рискнул бы ради семьи, но никогда не ради чужих. Казалось, его тело произвело осуждение в мгновение ока, о котором он уже начал сожалеть.

Пытаясь избавиться от плохих мыслей, он попытался переориентировать свой разум. Хотя текущая ситуация была по меньшей мере мрачной, спасательную группу все же можно было отправить, так как было дневное время, и он был уверен, что сможет продержаться немного дольше.

К счастью, его крепкое тело, подготовленное к частым тренировкам и упражнениям, выдержало стресс. Когда он встал, он был шести футов ростом, не огромен, но достаточно хорош для него.

С сильными мускулами, видимыми даже под одеждой. Шейн любил упражнения и спорт, особенно боевые. Он смотрел все, от бокса до ММА, что побудило его тренироваться, как его кумиры. Скорость и харизма Мухмеда Алиса, порочная сила Майка Тайсона, доминирование Джорджа-старшего и стилистическая компетентность Андерсона Сильваса.

Это были лишь некоторые из великих, список можно было легко продолжить. Шейн начал заниматься боксом в 12 лет вместе со старшей школой, чтобы снять стресс и подготовить себя перед тем, как перейти к кикбоксингу. Его главная любовь к боям в стойке проистекает из цитаты, которую он однажды услышал: 100% всех боев начинается стоя. Издевательства тоже сыграли свою роль, но над каким чудачком в наши дни не издевались. Шейн часто соревновался параллельно с учебой. Его любовь не вылилась в доминирование в спорте, поскольку он был явно выше среднего, но ему не хватало убийственного преимущества, чтобы действительно стать великим.

Это также побудило его прочитать роман о боевых искусствах, чтобы погрузиться в воображаемые миры. Хотя боевые искусства в романе определенно не были практичными, и любой опытный или знающий в бою человек мог легко найти недостатки, это было не так. Я не

хотел отвлекаться от чтения и получать удовольствие от чтения, и прежде всего он любил Драконов. Огромные чешуйчатые существа, которые могли легко разорвать небо с явным господством и мощью. Высший хищник, независимо от формы и вида, в наиболее удачных фэнтезийных книгах. Очевидно, была причина, по которой так много людей любили драконов.

К сожалению, Шейн был внезапно вырван из своих мыслей из-за жгучей боли и нехватки воздуха. Шейн закрыл глаза, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. К сожалению, несмотря на все его попытки сохранить рациональность, теснота, добавленная резким запахом и липкой субстанцией, исходящей от его конечностей, которую он мог воспринимать только как кровь, он начал дышать.

Независимо от того, насколько сильным человек считает себя умственно, если он не обусловлен такими ужасными обстоятельствами, он может легко сломаться морально. Его разум включился в реакцию борьбы или бегства, закачивая адреналин в кровоток, когда он начал терять контроль над своими мыслями. Его тело содрогнулось, поскольку это был момент жизни и смерти, когда он пытался освободиться, он толкал и толкал окружающие обломки, еще больше ранив свое и без того разбитое тело, пока снова не потерял сознание.

Шейн проснулся в темноте. Холод пробежал по его телу, когда он почувствовал под собой холодную бетонную землю. Дезориентированный, поскольку он не видел ничего, кроме черного, он попытался двинуться только для того, чтобы понять, что застрял. Нахлынули воспоминания, и он вспомнил, что все еще застрял под стеной. Когда пришло осознание того, что он не был спасен, он начал испытывать страх. Его разум охватил глубокий страх, почти первобытный. Он был один, холоден, голоден и, прежде всего, страдает от боли.

Так много боли.

Ветер завывал сквозь трещины, словно проклинал его навечно привязанным к нему. Он пытался сохранять спокойствие. Он не спал в темноте, не зная, были ли это минуты или часы, и со временем страх только усилился. Страх смерти овладел его разумом, погружая его в нисходящую спираль отрицательных эмоций.

Чтобы справиться со страхом, он обратился к вере. Он молился усерднее, чем когда-либо, чтобы Бог спас его. После того, что казалось вечностью молитв, он пытался молиться всему, кто его слушал. Он пообещал стать лучшим человеком, помочь всем, кто сможет, если только сможет выжить. Если что-то могло его спасти, он поклонялся бы этому. Холод лизнул его открытые раны, а пыль и грязь наполнили его легкие. Его глаза налились кровью, когда он пытался бодрствовать. Страх умереть во сне заставлял его бодрствовать.

Неизвестно, сколько времени прошло, но мягкие углы начали просачиваться в щель. Казалось, что наступил новый день, и от встречи с ним боль усилилась. Тело Шейн время от времени билось в конвульсиях, отказываясь умирать. Придерживаясь веры, которую принес свет, он напряг глаза, чтобы оставаться открытыми.

Таким образом, началось мучительное ожидание еще одного дня. Когда свет начал угасать, безжалостно исчезая после вселения веры, тьма начала расселяться. Темнота пришла со страхом. Страх смерти расцвел в самой его душе, и он пытался молиться даже дьяволам. Он просто хотел уйти отсюда, он сделает все, чтобы уйти отсюда. Почему он спас ребенка, он должен был бросить его и ему никогда не пришлось бы страдать?

Почему он не двинулся с места, когда упала стена, почему, почему, почему?

Он начал все подвергать сомнению; страх превращается в отвращение и ненависть, чтобы

спасти другую жизнь. Он должен был позволить мальчику умереть, это того стоило. Голод, боль, обгоревшее горло из-за нехватки воды и бесчисленные травмы сломали его разум.

Минуты шли за часами, часы превращались в дни. Только мрачный смешок, словно лишенный существа или души, периодически вырывался из трещин внутри обломков. Лицо в соплях и крови; губы разорваны с обеих сторон, видны сломанные десны. Хихиканье, казалось, прокляло мир. Злоба была невообразима по глубине. Через некоторое время воцарилась тишина. Тишина и изуродованный труп под завалами.

Кости сломаны и смещены, зубы усеивают залитый кровью пол. В своих последних попытках спасения он изгибался и поворачивался, разрывая связки и плоть, цепляясь зубами, пока его тело, наконец, не сдалось.

<http://tl.rulate.ru/book/61614/1623737>